

13. Г. А. Пашкевич. Палеоботаническая характеристика поселения Мирное.//В. Н. Станко. Мирное. К., 1982.

14. В. Ф. Петрунь. О геологической позиции и обработанном кремне мелолитической стоянки Белолесье.//МАСП. — 1971—7.

15. В. Н. Станко. Мирное: Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. К., 1982.

16. В. Н. Станко. К проблеме западных связей мезолита степного Причерноморья.//Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К., 1985.

17. В. Н. Станко. Палеоэкологическая ситуация в мезолите Северного Причерноморья. *Studia Praehistorica*. — 1992. — № 11—12.

18. В. Н. Станко. О культе бизона в раннепервобытных общинах степного Причерноморья.//Древнее Причерноморье. Одесса, 1993.

19. В. Н. Станко, Ю. С. Свеженцев. Хронология и периодизация позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья.//БКПИЧП-57 — М., 1988.

Е. В. СМЫНТЫНА

ДИНАМИКА ТИПОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА

Изменчивость природно-ландшафтной и палеоэкологической обстановки на территории Украины в раннем голоцене вызвала перестройку экономики и социального устройства мезолитических общин. Эта тенденция проявилась в сложении специфического способа социокультурной адаптации, который реконструируется в результате всестороннего изучения основных компонентов материальной культуры эпохи мезолита.

Дошедшие до нас остатки данной подсистемы культуры на территории Украины представлены орудиями труда, жилищами, ветровыми заслонами, очагами, пекарскими и хозяйственными ямами,кладами (табл. 1). Анализ системы распространения и качественного состава или конструкции показывает их определенную зависимость от условий существования и связанных с ними особенностей ведений хозяйства.

Так, хозяйственные ямы на протяжении позднего палеолита, мезолита и неолита соотносятся исключительно с лесной зоной, а в Горном Крыму с финального палеолита широкое распространение получили развитые комплексы по обработке и хранению улиток, что хорошо прослеживается по материалам стоянок Шан-Коба сл. 3, Мурзак-Коба сл. 3. Такие комплексы функционируют короткий промежуток времени — на рубеже пробореала и бореала (7550—6000 лет до н. э.), их существование связано с развитием экологического кризиса; они исчезают с началом приручения кабана и относительной стабилизацией источников мясной пищи (1).

Конструкция основных элементов материальной культуры в природно-ландшафтных зонах, в свою очередь, имеет определенную экологическую обусловленность. Так, в Западной Украине в позднем мезолите на расположенных по соседству стоянках Камяница I (культура Камяница-Баранье) и Камяница II (культура Незвиско-Оселівка) прослежены прак-

тически одинаковые сооружения с каменными выкладками в основании (2). Идентичные по устройству и составу комплексы материальной культуры генетически разного гребениковского и анетовского населения на их совместном поздне-мезолитическом базовом лагере Мирное в Нижнем Подунавье подтверждают, что данный тезис справедлив и для других элементов материальной культуры.

Однако это положение малопродуктивно при рассмотрении морфологии орудий труда. В целом для мезолита характерно большое разнообразие их типов. Для одних и тех же целей даже в одной экологической нише использовались изделия различного внешнего вида и способов обработки. Их форма зависела от традиции кремнеобработки и от случайных факторов; жесткая увязка между морфологией и функцией изделия отсутствует (3). С другой стороны, наличие или отсутствие определенных функциональных типов орудий, вероятно, связано с конкретным способом адаптации.

Комплекс жилищ, очагов, различных видов укрытий, ям разного назначения, определенный функциональный состав орудий труда в замкнутых природно-ландшафтных зонах и составляет адаптивный комплекс материальной культуры. Изменяясь в пространстве и во времени, он отражает тип хозяйства, социальную структуру и образ жизни коллектива. Данное понятие, близкое по содержанию с понятием «хозяйственно-бытовой комплекс», точнее отражает содержание и специфику изменчивости и сочетания типов артефактов, делая акцент на моменте приспособления (в том числе и преобразующего экологическую нишу) первобытного человека к среде. В данном случае элементы материальной культуры рассматриваются как средства адаптации. Комплексное их изучение открывает путь к выработке типологии памятников эпохи мезолита (табл. 2).

Ранний мезолит

На протяжении раннего голоцена под воздействием изменений окружающей среды материальная культура мезолитического населения претерпевает заметные модификации, что и нашло отражение в эволюции основных типов памятников.

Мезолит начинается с относительного смягчения климата (половецкое потепление), которое уже через короткий промежуток времени сменилось переяславским похолоданием (4). В степной зоне в это время наблюдается иссушение климата и трансформация фаунистического комплекса (5). Из-

менения палеогеографической обстановки обусловили отток населения из этого региона, вызвали смену типа хозяйства и связанного с ним адаптивного комплекса материальной культуры.

Археологически это проявилось в заметном изменении структуры распространения археологических памятников и характера находимых на них предметов и объектов материальной культуры.

Крупные сезонные стоянки и базовые лагеря эпохи позднего палеолита на рубеже плейстоцена и голоцена исчезают. Самым распространенным типом раннемезолитических памятников степной зоны являются небольшие кратковременные стоянки, изученные в основном пока по подъемному материалу.

Вторым типом раннемезолитических памятников являются сезонные стоянки охотников и собирателей. Примером таких поселений является Белолесье, где раскопано 4 подокруглых скопления археологического материала диаметром около 4 м каждое, расположенные по одной линии вдоль берега р. Сараты и состоящие из кремневого инвентаря, костей животных и кострищ. Эти комплексы, вероятно, соответствуют небольшим (12 кв. м) легким наземным жилищам. Стоянка, вероятно, функционировала в теплое время года (возможно, май — сентябрь); здесь проживало около 20 человек в течение 3,5 месяцев (6).

На некоторых сезонных стоянках охотников и собирателей, относящихся к теплому времени года или функционировавших более короткий промежуток времени вместо жилищ могли сооружаться ветровые заслоны из жердей и веток деревьев, края которых придавливали каменными кладками. Так, на стоянке Зимовники I в Юго-Восточном Приазовье в раскопе 3 северная оконечность скопления кремней и отдельных фрагментов костей животных замыкалась тремя плитами песчаника; контуры ямы не прослеживаются (7). На других стоянках следы каких-либо укрытий не прослеживаются вовсе, однако характер находок позволяет отнести данные памятники к сезонным стоянкам охотников и собирателей. Подобные комплексы открыты на поселении Рогалик 2 в бассейне Северного Донца (8).

Изменение традиций ведения хозяйства (переход к индивидуальной охоте на мелких нестадных животных) вызвало перестройку комплекса охотничьего вооружения. Известное здесь с позднего палеолита дистанционное оружие (лук и

стрелы) оснащаются более эффективными геометрическими микролитами. Универсальными вкладышами инструментов, любого назначения становятся пластинчатые и геометризованные заготовки, обладающие способностью трансформации и реутилизации. Стандартизация и упрощение технологии изготовления орудий труда проявляется также и в многоцелевом использовании сколов без вторичной обработки (9).

Таким образом, в раннем мезолите в степной зоне вырабатывается специфический способ социокультурной адаптации, основными чертами которого являются мобильность и дисперсность. Эти черты проявились также в пестрой этнической картине изучаемого региона. Для данного периода какая-либо четкая традиция устройства поселения или система их взаиморасположения не прослеживается. Вероятно, единственным принципом существования в нарастающей кризисной палеоэкологической обстановке было стремление максимально использовать имеющиеся ресурсы для обеспечения выживания при минимальных затратах труда (10).

Совершенно иная картина наблюдается в раннем мезолите в лесной зоне. Северные области Украины, освободившись от постгляциальных явлений, сохраняют во многом привычную для населения палеоэкологическую обстановку. Сюда в поисках добычи с юга и запада проникает население, сохраняющее позднепалеолитический тип хозяйства, материальной культуры и образа жизни, которое расселяется среди групп с достаточно четкими чертами автохтонного развития (11).

Сезонные стоянки охотников этого региона в общих чертах имеют то же устройство, что и в предыдущий период. Так, в Западном Полесье в нижнем слое стоянки Нобель 1, датированной 10 тыс. л. н., обнаружено 6 очагов (12). На однокультурной Нобелю стоянке Малая Осница II раскопками вскрыта свидерская землянка (13). Подобные объекты известны на данной территории и в позднем палеолите. Возможно, данные комплексы фиксируют сохранение традиций относительно оседлого образа жизни в новых экологических условиях.

Как и в предыдущий период, в раннем мезолите в лесной зоне, богатой выходами разных сортов сырья, функционируют пункты кремнеобработки. Они фиксируются по скоплениям кремневого инвентаря, состоящим преимущественно из отходов производства, сырья, нуклеусов, отбойников и содержащим весьма низкий процент изделий со вторичной обработкой. Существование специальных пунктов кремнеобработки

указывает на достаточно прочную связь посещавших их людей с данной территорией.

К этому типу относится расположенная у выходов кремня в оврагах у боровой террасы левого берега р. Смячка в среднем течении Десны группа памятников. Среди них Смячка 17а, в инвентаре которой подавляющее большинство составляют отщепы, обломки и сколы с нуклеусов при крайне низком процентном содержании изделий со вторичной обработкой (14). В материалах, расположенных неподалеку пунктов Бугры 1а и Крейда 3 представлен полный цикл первичной обработки кремня (нуклеусы, отщепы, пластины) (15). Те же типологические группы изделий обнаружены на ст. Деревляны III в Каменско-Бугском районе Львовской области (16). На стоянке Поповцы в верховьях р. Иквы во Львовской области в 1 км от выхода кремня открыт пункт кремнеобработки, состоящий из пяти подокруглых скоплений диаметром до 2 м каждое. Они соотносятся с местами работы мастеров, причем в скоплениях 1 и 2 обнаружены только результаты первичного расщепления кремня, а в скоплениях 3—5 найдены также скребки, резцы, вкладыши ножей. В 200 м западнее мастерской раскопано поселение, инвентарь которого (двухплощадочные нуклеусы, пластины и их сечения, скребки, резцы, вкладыши ножей и др.) концентрируется в южной части раскопа вокруг следов очага. Автор раскопок считает, что это единый одновременный комплекс (17). Такое допущение предполагает относительно высокий уровень оседлости оставившего данный комплекс населения.

В то же время в лесной зоне прослежены и менее «стабильные» комплексы, которые указывают на определенные изменения образа жизни населения лесной зоны. В слое С дюнной стоянки Народичи в Киево-Житомирском Полесье раскрыты остатки 5 кострищ округлой либо удлиненной формы диаметром 0,6—1,4 м и мощностью до 0,5 м, вокруг которых концентрировались находки кремневых изделий. Типологически и хронологически близки этим находкам раскрытые в слое В скопления вокруг кострищ №№ 6—21, относящиеся ко времени перехода от раннего мезолита к позднему (18). Топография стоянки (высота над поймой реки около 2 м), отсутствие утепленных жилищ позволяют предположить, что поселение функционировало в летнее время года. На дюнной стоянке Красноселье в Западном Полесье выявлено 14 скоплений овальной формы 2×3 м, где располагались все находки; кострища, жилища, фауна отсутство-

ют (19). На стоянке Раска в Боролянском районе Киевской области раскрыто пятно кремня 10×6 м, где в нижней части подпочвы найдены многочисленные кварцевые и гранитные валуны, использовавшиеся для хозяйственных нужд (20).

В целом в лесной зоне в раннем мезолите прослеживаются две тенденции. С одной стороны, местное население сохраняет свои традиционные черты материальной культуры и образа жизни. С другой, переселение сюда групп пришлого населения с юга и запада изменяет демографическую ситуацию и вносит определенные изменения в образ жизни и средства адаптации населения лесной зоны. Данная тенденция проявляется в упрощении комплексов материальной культуры, что прослеживается по материалам ряда стоянок уже в раннем мезолите.

Лесостепь, занимая промежуточное положение между степной и лесной зонами, соединяет в себе их черты адаптивного комплекса элементов материальной культуры. Богатство природной среды и успешная адаптация к прохладным климатическим условиям способствовала сохранению в Поднестровье позднепалеолитических традиций в материальной культуре и быте населения. Эта тенденция отразилась в комплексах автохтонной молододовской культуры.

На стоянке Молодова V в слое I, относящемся к позднему дриасу и хронологически совпадающем со временем перехода от палеолита к мезолиту ($10\ 940 \pm 150$ л. н.), открыто поселение, состоящее из пяти овальных скоплений культурных остатков (21). По подсчетам А. П. Черныша, здесь в течение 5 месяцев проживали 65 человек (22). В слое Ia, также относящемся к позднему дриасу и датированному $10\ 590 \pm 230$ л. н., обнаружено 4 аналогичных скопления культурных остатков площадью от 8 до 32 кв. м, интерпретируемых как остатки куренеподобных жилых сооружений, где в течение 3,5 месяцев обитало 55 человек (23).

Со средним течением Днестра связан и ряд пунктов кремнеобработки, подтверждающих относительно прочную связь населения со своей кормовой территорией. К данному типу памятников относится Незвиско X в Ивано-Франковской области (24). Внимание привлекают материалы расположенной по соседству стоянки Незвиско XXI, датированной $10\ 000 - 9\ 500$ л. н. (25). Здесь обнаружены 3 каменные кольцевые выкладки, интерпретированные как основания жилищ типа чума, покрытых шкурами животных (26). У предполагаемого входа в одно из них открыты остатки очага и скопление крем-

ня с крайне низким процентом изделий со вторичной обработкой. Единственный обнаруженный очаг вряд ли мог удовлетворять потребности в тепле и средстве приготовления пищи трех парных семей в климатических условиях «достаточно суровых, на грани выживания». Кроме того, на стоянке нет фауны, хотя на соседних памятниках со сходными условиями залегания она многочисленна (напр., Молодова V, Кормань IV, Оселивка I, Бабин I и др.). Состав кремневого инвентаря указывает на преобладание деятельности по обработке кремня. На однокультурном памятнике Камяница V обнаружено подобное сооружение из 13 известняковых камней, расположенных полукругом, без признаков очагов или обжига находок; у предполагаемого входа прослежено скопление артефактов (27). В инвентаре Камяницы V, как и в наборе изделий Незвиско XXI, присутствуют все группы изделий. Обращает внимание незначительное количество целых пластин на обоих памятниках. В целом Незвиско XXI и Камяница V могут рассматриваться как пункты кремнеобработки, где осуществлялись все технологические операции по изготовлению орудий труда. Каменные кольцевые выкладки в таком случае могут являться основаниями ветровых заслонов, служивших убежищами мастеров в ненастные дни.

Относительно долговременные комплексы обнаружены и в Левобережной Лесостепи. На сезонной стоянке охотников и собирателей Вязовок 4а в пойме р. Слеспород на Полтавщине раскрыто 5 жилищ с несколько углубленным («втопанным») полом; жилища № 1 и 3 имеют площадь $10-12$ кв. м, № 2 и 4 — около 20 кв. м. Скопления инвентаря и фауны располагаются около внутренних очагов и на площади жилища, выходя за его пределы не далее, чем на 1 м (28). Жилища одновременны, нет специализации хозяйственной деятельности в отдельных конструкциях; процесс изготовления и использования орудий в каждом жилище имел индивидуальный характер (29). Прослеженный в жилище № 2 вход типа сеней, углубленный пол и реконструируемый облик сооружения в виде утепленной каркасной конструкции типа чума указывает на относительно длительный зимний период функционирования поселения.

С другой стороны, в лесостепи открыты многочисленные местонахождения с несохранившимся культурным слоем и сезонные стоянки охотников и собирателей, где конструктивные остатки не прослеживаются. Среди последних отметим памятники Оселивка I, Оселивка III, Кормань IV «А» в сред-

нем течении Днестра. На этих стоянках прослеживаются места кремнеобработки, потребления пищи, разнообразные камни, использовавшиеся для хозяйственно-бытовых целей, в том числе и при утилизации продуктов собирательства (30). Таким образом, в раннем мезолите в лесостепной зоне отсутствует какой-либо единый эталон поселения. В начале голоцена местное население имеет возможность сохранять традиционную материальную культуру и образ жизни, что проявилось в функционировании относительно долговременного поселения Молодова V. В более северных районах данный адаптивный комплекс сохраняется на протяжении всего раннего мезолита. В то же время изменение климатических условий и трансформация фаунистического комплекса влекут выработку новых способов адаптации. Данная тенденция проявляется в увеличении подвижности населения и преобладании во второй половине раннего мезолита небольших кратковременных стоянок.

Особый адаптивный комплекс элементов материальной культуры эпохи мезолита представлен в Горном Крыму, где люди продолжали использовать навесы, гроты и пещеры в качестве мест обитания. К позднеледниковью относится поселение во втором горизонте 6 слоя навеса Шан-Коба. В центральной части подпрямоугольной жилой площадки площадью примерно 32 кв. м обнаружено овальное очажное пятно, к которому примыкает скопление пережженных костей; в южной части площадки прослежена выкладка из крупных камней, которая, возможно, служила для укрепления заслона из ветвей при входе (31). В 1 горизонте описанная жилая площадка прослеживается более отчетливо; ее площадь около 26—30 кв. м; южный угол также заложен камнями; в северной части зафиксировано небольшое округлое потемнение. Жилые площадки 1 и 2 горизонтов рассматриваются как остатки долговременного жилища (32).

С переходом к голоцену в Горном Крыму принцип устройства поселений не изменяется. Так, характер заполнения 4 слоя навеса Шан-Коба очень близок позднеледниковому 6 слою, что позволяет предположить существование здесь в этот период сооружений, аналогичных позднеледниковым. Сходное поселение открыто в 6 слое навеса Фатма-Коба. Обнаруженные там объекты рассматриваются как остатки долговременного жилища площадью около 12 кв. м с углубленным полом и двумя периодами заселения, рядом с которым находится ветровой заслон с точком около входа. Воз-

можно, поселение функционировало в осенне-зимний период (33).

В целом для раннего мезолита Горного Крыма характерно сохранение адаптивного комплекса элементов материальной культуры эпохи позднеледниковья. Развитие традиционной охоты позволяло в пребореале вести привычный образ жизни, что отразилось и на способе устройства относительно долговременных жилищ и поселений.

Анализ адаптивных комплексов элементов материальной культуры эпохи раннего мезолита показывает их исключительное разнообразие во всех природно-ландшафтных зонах. Эта тенденция связана с необходимостью выработки новых средств адаптации к изменяющимся в силу разных причин палеогеографическим, палеоэкологическим и палеодемографическим условиям. В этот период ни в одном из регионов Украины не прослеживаются какие-либо четкие принципы устройства поселений или создания системы поселков. Адаптируясь к среде, перемещаясь на значительные расстояния люди стремятся получать оптимальный результат с наименьшими затратами труда. Этим объясняется как сохранение позднеледниковских традиций в лесной, частично лесостепной зонах и в Горном Крыму, так и принципиальное изменение материальной культуры и образа жизни в степи.

Поздний мезолит

С переходом к бореалу уже на этапе низких температур ленгхольц (8 900 л. н.) наблюдается нарастание обводненности территории Украины, увлажнение и потепление климата. Наиболее ярко в эпоху мезолита эта тенденция зафиксировалась в отложениях времени ундайского потепления, соответствующего термическому максимуму голоцена — 8 900—8 300 л. н. (34). Смягчение климатических условий способствует общей стабилизации жизни и ведет к новым изменениям в социокультурной адаптации.

В позднем мезолите люди осваивают водоразделы и долины мелких водотоков. Количество археологических памятников повсеместно растет. В первую очередь это наглядно проявляется в южной части Украины. В этот период вновь возникают крупные долговременные поселения с многочисленным инвентарем, жилищами, очагами, местами обработки кремня, запасами сырья, культовыми и бытовыми объектами и т. д. Такие памятники определяются как базовые лагеря охотников и собирателей. Их структура сложна и разнообразна.

разна, в ряде случаев она определяется природно-ландшафтными условиями.

К данному типу памятников в степной зоне относится стоянка Мирное, где вскрыто 58 очагов и пекарских ям, которые концентрируются в центре поселения; на периферии очажной зоны выявлено 18 скоплений средней площадью около 30 кв. м, которые, возможно, соответствуют микрокомплексам центра лагеря (35). Изучение состава находок отдельных скоплений позволяет рассматривать их как хозяйственно-бытовые комплексы широкого функционального назначения, где осуществлялась обработка кремня, изготовление одежды, предметов быта, потреблялись продукты охоты и собирательства. Состав находок и фауны дает основание предположить, что поселение функционировало круглый год. В холодное время над скоплениями могли сооружать легкие куренеподобные жилища из жердей и веток, а летом устраивать навесы, защищающие от солнца. Судя по количеству раскрытых и сохранившихся комплексов, здесь в течение 9 месяцев проживало более 150 человек. Однако поселение могло функционировать гораздо дольше, что связано с наличием около 30 тыс. недиагностичных костей и свидетельств широкого использования продуктов собирательства. Кроме того, в непосредственной близости Мирного обнаружено несколько мелких однокультурных памятников со следами кратковременного пребывания на них людей — Мирное 2 и 3, Васильевка (Китай-озеро), Борисовка, Траповка, Зализничное, Новоселица, Причеповка и др. (36). Такая система расположения памятников характерна в позднем мезолите частично и для лесной зоны. Возможно, подобные «кусты», состоящие из поселения и нескольких местнахождений, связанных с отдельной экологической нишей, охватывают кормовую территорию и соотносятся с определенной формой социальной организации.

Второй вариант комплекса элементов материальной культуры, соответствующий базовому лагерю степной зоны, представлен стоянкой Игрень 8 на левом берегу р. Самара в Днестровском Надпорожье. Здесь по краю боровой террасы раскопано 7 подокруглых землянок диаметром до 8 каждая, углубленных в материк до 1 м и имевших каркас из жердей и коническую крышу, перекрытую камышом; на дне углублений выявлены скопления инвентаря, золы и угольничков, хотя кострища открыты только в 2 жилищах (37). Почти все объекты разрушены размывом, в нескольких прослежены сле-

ды пожара, уничтожившего сооружение (38). Среди исследователей нет единства по поводу одновременности обитания всех землянок, однако наличие углубленных кострищ и жилищ указывает на долговременность функционирования памятника. В целом Игрень 8 можно рассматривать как позднемезолитический базовый лагерь рыболовов и охотников. «Куст» памятников данной группы, связанный с приречной экономикой, составляют острова Сурской, Кизлевый, Лоханский, Шульговка и др. (39).

На рост оседлости населения степной зоны в позднем мезолите наряду с появлением базовых лагерей указывают днепровские могильники с определенной системой размещения погребений (40). Само возникновение данного типа памятников является одним из важнейших достижений эпохи мезолита и свидетельствует о формировании понятия родовой территории (41). Одиночные погребения в Горном Крыму подтверждают предположение об изменении ритуального отношения к предкам (42).

На более тесную связь с эксплуатируемой территорией и на всесторонний контроль над ее ресурсами со стороны населения степной зоны указывает функционирование в богатом выходами кремня нижнем течении р. Северский Донец ряда пунктов кремнеобработки (43).

На сезонных стоянках этого региона (за исключением Фронтowego 1 сл. 3 в Восточном Крыму) следы жилищ или других видов укрытий, очагов и т. д. не прослеживаются. Типичный вариант адаптивного комплекса элементов материальной культуры сезонных стоянок охотников и собирателей степной зоны представлен материалами поселения Гиржево в Нижнем Поднестровье. Здесь на высоком (41 м) склоне реки на 220 кв. м раскопа найдено около 11 тыс. кремней, указывающих на все виды производственной и бытовой деятельности, и фауна (44). Вокруг него открыты мелкие однокультурные памятники с однотипным инвентарем — Балашово 1 и 2, Тростянец, Довжанка, Орловка и др. (45).

Преобладающим типом памятников позднего мезолита в степной зоне, как и в предыдущий период, являются мелкие кратковременные стоянки, представленные в основном подъемным материалом.

Таким образом, изменения палеоэкологической обстановки в позднем мезолите повлекли подвижки в социокультурной адаптации населения. В степной зоне это проявилось в росте количества археологических памятников, появлении новых их

типов, а также сложении определенной «кустовой» системы распространения поселений. Все это свидетельствует об определенной стабилизации жизни и росте оседлости. Возможно, данные процессы связаны с появлением нового источника мясной пищи в связи с началом приручения тура. Отсутствие очагов и жилищ на многих памятниках этого периода может объясняться достаточно мягким и теплым климатом степной зоны в бореале. С другой стороны, весьма бедные адаптивные комплексы элементов материальной культуры большинства стоянок этого региона могут указывать на продолжение поисков средств преодоления кризисного состояния.

В лесной зоне в позднем мезолите в общих чертах сохраняются те же основные тенденции эволюции материальной культуры, что и в пребореале. С одной стороны, в условиях более мягкого, чем в раннем мезолите, климата сохраняются традиции относительного оседлого образа жизни и связанные с ним элементы материальной культуры. Новой чертой социокультурной адаптации, отражающей развитие этой тенденции на ином уровне, является возникновение базовых лагерей.

На базовом лагере Вороцев II вскрыто 59 углублений культурного слоя в материк, разделенных на 7 производственно-хозяйственных комплексов, состоящих, как правило, из жилищ, мастерских, хозяйственных ям и очагов (46). Большая часть углублений содержит отдельные кремни и кости животных и интерпретируется автором раскопок как остатки хозяйственных ям и близких им объектов. Около 20 подовальных сооружений, содержащих небольшое количество находок и сопровождающихся скоплениями артефактов перед предполагаемыми входами, автор раскопок считает остатками летних шалашей с углублениями в центре (47). Можно по-разному оценивать количество обитателей и срок функционирования поселения. В отличие от других базовых лагерей лесной и степной зон, в окрестностях Вороцева II мелкие однокультурные памятники, формирующие его кормовую территорию, не выявлены.

В самых общих чертах сходный принцип устройства базового лагеря прослежен по материалам ст. Рудой Остров в Киевском Полесье, где на площади 700 кв. м открыто II заполненных серым зольным угольным песком линз. Длительность обитания памятника подтверждается мощностью кострищ и углубленных жилищ, насыщенностью культурного слоя и относительно равномерным распределением находок по площади стоянки (48). Вследствие отсутствия фауны и назем-

ных очагов и жилищ на полесских памятниках мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезы круглогодичного функционирования Рудого Острова. «Куст» однокультурных памятников представлен стоянками ДВС, Бородянка, Кухари 2, Тетерев и др. (49).

На стоянке Песочный Ров в Полесье вскрыты 3 углубленные кострища, два из которых имеют форму наклоненной чаши, сходную с рудоостровскими очагами, а также очень плотное скопление кремния, где найдено несколько сотен отщепов, обломков, расколотых желваков, нуклеусов; вероятно, здесь было место первичной обработки кремния (50). Инвентарь, представляющий все этапы кремнеобработки, своеобразное расположение очагов и кремневых скоплений, позволяющее предположить существование легкого наземного куренеподобного жилища, дают возможность допустить, что Песочный Ров мог являться базовым лагерем охотников и собирателей, функционировавшим в теплое время года. В ближайших окрестностях памятника разведками выявлено 5 однокультурных и синхронных пунктов кремнеобработки, а также стоянки Гридасово, Грязьки, Крейда, Мамекино и др. (51). Уточнение типа данного памятника возможно лишь после планиграфического и трасологического изучения кремневого инвентаря.

Наряду с базовыми лагерями, в лесной зоне выявлен ряд сезонных стоянок охотников и собирателей с богатыми адаптивными комплексами элементов материальной культуры. Наиболее полный их набор представлен на поселении Старуна I в Предкарпатье. Здесь раскопаны остатки углубленного жилища типа чума, ветровой заслон с плитчатыми песчаниками в основании с выходом в сторону реки, 3 хозяйственные ямы, 2 очага, заполненные древесным углем; между этими объектами прослежены скопления кремневых артефактов, являющиеся местами кремнеобработки (52). В общих чертах сходные комплексы раскопаны на стоянках Рудня в Киевском Полесье (53), Галина Воля (Выжевка) в Припятском Полесье (54) и Брюховичи VI (55).

В позднем мезолите в лесной зоне сохраняются сезонные стоянки охотников и собирателей, где конструктивные остатки не обнаружены. Среди них отметим Броды в Киевском Полесье и Гридасово в Новгород-Северском Полесье (56). Их функционирование связано с возрастанием подвижности населения к концу мезолита в результате назревания кризиса традиционного охотничьего хозяйства.

В целом в лесной зоне на протяжении всего периода развиваются две традиции устройства поселений. Первая из них — тенденция сохранения относительно оседлого образа жизни — реализуется в позднем мезолите как в форме традиционных сезонных поселений, так и в виде базовых лагерей. Наряду с ними к концу мезолита широко распространяются «подвижные» комплексы, связанные с нарастанием кризисных явлений в палеоэкологической обстановке. Сходная с прослеженной в степи «кустовая» система расположения поселений, вероятно, связана с общим принципом относительно оседлого образа жизни — обитая на крупном поселении, организовывать в его окрестностях охотничьи, сырьевые и т. д. экспедиции в поисках необходимых ресурсов. Потребление и хранение последних, как правило, осуществлялось на базовом поселении. В лесной зоне, однако, «кусты» мелких памятников прослеживаются не везде.

Совершенно иной вариант адаптации реконструируется по материалам лесостепи. Здесь в позднем мезолите не обнаружены ни базовые лагеря, ни сезонные стоянки охотников и собирателей с развитыми адаптивными комплексами элементов материальной культуры. Очаги в этом регионе прослежены только однажды на стоянке Атаки VI. Жилища, долговременные кострища, ветровые заслоны не обнаружены. Несмотря на наличие выходов высококачественного сырья, пункты кремнеобработки исчезают. Все это указывает на коренное изменение хозяйства и образа жизни позднемезолитического населения данной зоны. Оно состоит в резком росте подвижности в связи с кризисом традиционного охотничьего хозяйства. Это было вызвано распадом рангиферного и реценгаго тернокомплексов и становлением фауны современного вида, с одной стороны, и увеличением и без того сравнительно высокой обводненности данного региона, с другой. Все это не позволяло вести традиционную охоту и вызывало необходимость поисков новых источников питания и кормовых территорий. Лесостепь становится своеобразным коридором, по которому в разных направлениях передвигались разноэтничные группы людей.

Существенные изменения материальной культуры происходят в позднем мезолите и в Горном Крыму. Здесь они также связаны с появлением проблем в ресурсообеспечении региона, изменением фоновых видов фауны и необходимостью трансформации хозяйства.

На рубеже пребореала и бореала в Горном Крыму развивается достаточно сложный адаптивный комплекс элементов материальной культуры, относящийся к типу стоянок «раковинных куч». Он связан с развитием разнообразных видов деятельности мезолитического населения, в том числе и специфического для данной территории усложненного собирательства улиток *Helix* (57). Наиболее полно подобный комплекс представлен в материалах 3 слоя навеса Шан-Коба. Здесь выделено два хозяйственно-бытовых комплекса, являющихся местами разновременных поселений. Типологически близкий комплекс открыт в 3 слое Мурзак-Кобы (58). Появление стоянок типа «раковинных куч» в Горном Крыму хронологически совпадает со временем трансформации фаунистического комплекса и изменения форм ведения хозяйства. Формирование подобных комплексов объясняется, скорее всего, поиском новых пищевых ресурсов.

Одновременно с комплексами типа «раковинных куч» в Горном Крыму на рубеже пребореала и бореала продолжает функционировать известный с позднего палеолита тип пещерных стоянок. Они раскопаны в 4 культурном слое навеса Фатьма-Коба, в навесе Ласпи 7.

Во второй половине позднего мезолита подобные долговременные комплексы исчезают. Так, в верхнем слое стоянки Замиль-Коба 1 ни очагов, ни жилищ, ни мастерской не обнаружено (59). 2 слой стоянки Шан-Коба не имеет четкой структуры; здесь, в отличие от предшествовавших периодов, выявлен всего 1 очаг и небольшое количество артефактов. Подобное коренное изменение материальной культуры могло быть вызвано трансформацией образа жизни и свидетельствует о преобразовании типа хозяйства.

Таким образом, как и на большей части территории Украины, в Горном Крыму к концу мезолита происходит изменение типа хозяйства, связанного с ним образа жизни, что отразилось на адаптивном комплексе элементов материальной культуры. Кризис охотничьего хозяйства вызвал необходимость перестройки экономики, поиска новых источников питания (усложненное собирательство улиток *Helix* и попытки domestikации свиньи).

Краткий обзор основных типов мезолитических памятников указывает на их исключительное разнообразие во времени и пространстве. Это объясняется стремлением максимально использовать предоставленные природной средой условия существования. Эволюция средств адаптации была связана

с изменениями палеоэкологической обстановки, образа жизни и экономики. Кризис традиционного охотничьего хозяйства в степной зоне назревает уже на рубеже палеолита и мезолита. В лесостепной зоне и в Горном Крыму его признаки прослеживаются в конце пребореала, а в середине позднего мезолита можно говорить о существенной модификации экономики, образа жизни и материальной культуры. В лесной зоне кризисная ситуация складывается лишь к концу мезолита. В соответствии с подвижками в природно-ландшафтной и палеоэкологической обстановке эволюционируют и средства адаптации.

Там, где это было возможно (лесная зона, Горный Крым и частично лесостепь) в раннем мезолите сохраняется позднепалеолитический образ жизни и соответствующий ему адаптивный комплекс элементов материальной культуры. В позднем мезолите в лесостепной зоне он подвергается существенным изменениям в связи с необходимостью трансформации хозяйства. В степной зоне коренная перестройка способа существования произошла уже в пребореале, а к бореалу отмечается определенная стабилизация жизни. Эти тенденции хорошо прослеживаются как по изменению состава находок, так и по количеству и характеру археологических памятников.

Ни один тип памятников не мог функционировать изолированно от остальных. Существование каждого из них предполагает наличие выработанной многими поколениями системы саморегуляции первобытного коллектива, включающей наряду со многими другими компонентами периодические миграции, обитание на одном месте, обеспечение приемлемых для проживания и продолжения рода условий, изготовление и использование орудий труда, ритуальную деятельность. Лишь рассмотрение комплекса памятников дает информацию об образе жизни, быте и материальной культуре мезолитического населения Украины.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бибилов С. Н., Станко В. Н., Косен В. Ю. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. — Одесса. — 1994; Столяр А. Д. Об одном центре одомашнивания свиньи//СА. — 1959. — № 3. — С. 3—18.
2. Мацкевой Л. Г. Мезолит Предкарпатья, Западного Подолья и Прикарпатья//Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. — К. — 1987. — С. 87.
3. Станко В. Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. — К. — 1982. — С. 47.
4. Хотинский Н. А. Радиоуглеродная хронология и корреляция при-

родных и антропогенных рубежей голоцена//Новые данные по геохронологии четвертичного периода. — М. — 1987. — С. 41.

5. Бибилова В. И. Фауна из мезолитических поселений Белолесье и Гиржево (Нижнее Поднестровье)//Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — К. — 1978. — С. 17—29; Станко В. Н. Палеоэкологическая ситуация в мезолите Северного Причерноморья//Studia praehistorica. — 1992. — V. 11—12. — С. 18—27.

6. Станко В. Н. Поздний палеолит и сложение мезолита в степях Северного Причерноморья//Северное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. — К. — 1980. — С. 5—20; Станко В. Н. Ранний мезолит степей Северного Причерноморья//Первобытная археология. Поиски и находки. — К. — 1980. — С. 90—109; Станко В. Н. К проблеме западных связей мезолита степного Причерноморья//Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К. — 1985. — С. 31—45; Станко В. Н. Культурно-исторический процесс в мезолите Северо-Западного Причерноморья//Северо-Западное Причерноморье: контактная зона древних культур. — К. — 1991. — С. 5—17.

7. Горелик А. Ф. Исследование мезолитических комплексов стоянки Зимовники I в Северо-Восточном Приазовье//СА. — 1984. — № 2. — С. 115—133.

8. Телегин Д. Я., Тарасенко М. И. Мезолитическая стоянка у х. Роголик//Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. — М. — 1983. — С. 35—39.

9. Бибилов С. Н. Грот Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму//СА. — 1940. — Вып. 5. — С. 163; Станко В. Н. Мирное... — С. 27; Жилин М. Г. Про співвідношення функціонального призначення та морфології мезолітичних кам'яних знарядь лісової зони Східної Європи//Археологія. — 1986. — Т. 55. — С. 29; Коробкова Г. Ф. Истоки неолитизации: к проблеме культурно-хозяйственного развития Северо-Западного Причерноморья в эпоху мезолита//Studia praehistorica. — 1992. — V. 11—12. — С. 28—34.

10. Станко В. Н. Мирное...

11. Станко В. Н. Культурно-исторический...; Зализняк Л. Л. Население Полесья в мезолите. — К. — 1991. — С. 172.

12. Грибович Р. Т. Мезолітична стоянка Нобель I на Волні//Археологія. — 1980. — № 35. — С. 53—63.

13. Охрименко Г. В. Раскопки жилищ каменного века на Вольви//АО 1981 г. — М. — 1983. — С. 303.

14. Телегин Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України. — К. — 1982. — С. 255.

15. Зализняк Л. Л. Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северного Полесья//Памятники каменного века Левобережной Украины. — К. — 1986. — С. 101—102.

16. Мацкевой Л. Г. Исследование памятников мезолита//АО 1985 г. — М. — 1987. — С. 370—371.

17. Грибович Р. Т. Исследования в верховьях р. Иквы//АО 1985 г. — М. — 1987. — С. 321—322.

18. Телегин Д. Я. Указ, соч., С. 144—145.

19. Грибович Р. Т. Мезолит Западной Волыни//Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. — К. — 1987. — С. 66—75.

20. Зализняк Л. Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья. — К. — 1984. — 120 с.

21. Чердынцев В. А. Абсолютная геохронология палеолита//Палеолит и неолит СССР. — 1971. — Т. 6. — С. 308.

22. Черниш О. П. Стародавнє населення Подністров'я в добу мезоліту. — К. — 1975. — С. 48.
23. Там же. — С. 35.
24. Мацкевой Л. Г. Мезолит Запада Украины. — К. — 1991. — С. 18.
25. Мацкевой Л. Г., Адаменко О. М., Пашкевич Г. А., Татаринев К. А. Природная среда и мезолит Запада Украины//СА. — 1983. — № 1.
26. Мацкевой Л. Г. Мезолит Предкарпатья, Западного Подолья и Прикарпатья//Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья. — К. — 1987. — С. 84.
27. Там же. — С. 87.
28. Неприна В. И., Супруненко А. Б., Гавриленко И. Н. Жилище на мезолитической стоянке Посулья Вязовок 4а//РА. — 1992. — № 3. — С. 139.
29. Кoen В. Ю. Некоторые данные о культурно-историческом процессе в Азово-Черноморском регионе X—XI тыс. лет до н. э.//РА. — 1992. — № 2. — С. 5—19.
30. Черниш О. П. Указ. соч., с. 57, 62—64, 81—85.
31. Бибииков С. Н. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и гроте Мурзак-Коба в Крыму//КСИИМК. — 1946. — Вып. 13. — С. 126—143; Столяр А. Д. Указ. соч., с. 7.
32. Бибииков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Указ. соч., с. 16—17.
33. Бибииков С. Н. Раскопки в навесе Фатьма-Коба и некоторые вопросы изучения мезолита Крыма//МИА. — 1966. — Вып. 126. — С. 138—143.
34. Хотинский Н. А. Указ. соч., с. 42—43.
35. Станко В. Н. Мирное... с. 56—58, 66, 78—80.
36. Станко В. Н. Мирное... Кизь Г. В. Мезолитические местонахождения Мирное 2 и 3//Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. — К. — 1980. — С. 24—26; Красковский В. И. Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья. — К. — 1978. — 70 с.
37. Балакин С. А., Козловский А. А., Телегин Д. Я. Раскопки у с. Игрень на Днепре//АО 1978 г. — М. — 1979. — с. 294—295.
38. Добровольский А. В. Восьма Ігрінська неолітична стоянка//АП УРСР. — Т. 2. — К. — 1949. — С. 246; Телегин Д. Я. Изучение домостроительства и планирования поселений мезолитического времени в Поднепровье//АИУ в 1978—1979 гг. — Днепропетровск, 1980. — С. 37.
39. Телегин Д. Я. Мезолітичні пам'ятки...
40. Станко В. Н. Ранний мезолит...; Даниленко В. Н. Волошский эпипалеолитический могильник//СЭ. — 1955. — № 3. — С. 55—61; Столяр А. Д. Первый Васильевский мезолитический могильник//Археологический сборник Эрмитажа. — 1959. — Вып. 1. — С. 78—165.
41. Станко В. Н. Кризис охотничьего хозяйства и возникновение скотоводства в Азово-Причерноморских степях. В печати.
42. Бибииков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Указ. соч., с. 77—79.
43. Горелик А. Ф. Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения)//Материалы каменного века на территории Украины. — К. — 1984. — С. 19.
44. Станко В. Н. Мезолит Днестро-Дунайского междуречья//МАСП. — 1971. — Т. 7. — С. 93—110.
45. Борисковский П. И. Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1962 г.//КС ОГАМ 1962 г. — Одесса. — 1964. — С. 12—17.
46. Мацкевой Л. Г., Боднар Г. Е., Савчук Л. Г. Исследования в с. Воронцов//АО 1978 г. — М. — 1979. — С. 368.

47. Мацкевой Л. Г. Мезолит Запада Украины. — С. 99.
48. Зализняк Л. Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья. — С. 48.
49. Зализняк Л. Л. Население Полесья в мезолите. — С. 29.
50. Зализняк Л. Л. Культурно-хронологическая... — С. 111—113.
51. Телегин Д. Я. Указ. соч. — С. 84.
52. Мацкевой Л. Г. Мезолит Запада Украины. — С. 99.
53. Зализняк Л. Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья. — С. 29—30.
54. Охрименко Г. В. Указ. соч. — С. 303.
55. Мацкевой Л. Г. Мезолит Запада Украины. — С. 14—15, 102.
56. Зализняк Л. Л. Население Полесья в мезолите. — С. 141—142, 151.
57. Бибииков С. Н. Об использовании улиток *Helix* в позднепалеолитическое время//МИА. — 1941. — Вып. 2. — С. 140—142; Бибииков С. Н. Позднепалеолитические... С. 130; Бибииков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Указ. соч. — С. 112—113.
58. Бибииков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Указ. соч. — С. 11—14, 109—110.
59. Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Замиль-Коба 1//Труды ГИМ. — 1938. — Вып. 8. — С. 7—32.

	Жилища		Ветровые заслоны	Очаги		Пекарские ямы	Хозяй. ямы	Клады
	углубленные	наземные		углубленные	наземные			
1 р	Нобель 1 в. сл. Малая Осица 2			Народячи	Нобель 1			
1 п	Вороцев 2 Рудой Остров Старуна 1 Рудня Выдсвка Блюхвичи VI Турновица III Загай 1	Камяница 1 Камяница 2	Камяница V Старуна 1	Песоч- Ров Вороцев 2 Рудой Остров Стару- ня 1 Крини- ца 4	Вороцев 2 Брохови- чи VI		Воро- цев 2 Стару- ня 1	
2 р		Молодова V (сл. 1, 1а) Вязовок 4а	Незвиско XXI	Вязо- вок 4а	Молодова V (сл. 1, 1а)			Кор- мань IV «А» Незвис- ко XXI
2 п								
3 р					Атаки VI			
3 п	Игрень 8	Мирное Фронтвое 1 (сл. 3)	Зимовни- ки 1	Мирное	Рогалик 2 Белоселье	Мирное		Мирное Фронт- вое 1 (3)
4 р								

	Бурани-Кая сл. 4, 6 Фатъма- Коба сл. 6				Шан-Коба сл. 6 Фатъма- Коба сл. 6			
4 п	Шан-Коба сл. 3 Мураак- Коба сл. 3	Шан-Коба сл. 3	Шан-Коба сл. 3, 1 Мураак- Коба сл. 3 Фатъма- Коба сл. 4		Шан-Коба сл. 3, 1 Мураак- Коба сл. 3 Фатъма- Коба сл. 4	Шан- Коба сл. 3	Шан- Коба сл. 3	Шан- Коба

Табл. 1. Элементы материальной культуры эпохи мезолита на территории Украины.

р — ранний мезолит, п — поздний мезолит; 1 — лесная зона; 2 — лесостепь; 3 — степная зона; 4 — Горный Крым.

Базовый лагерь	Сезонные стоянки			Пункты кремнеобработки
	жилище + очаг + ... + жилище или очаг	без объектов		
I.1	жилище + очаг + ... + жилище Нобель I в. сл.	жилище или очаг Нобель I н. сл. Малая Осница II Народичи	без объектов Раска Красноселье	Смячка I7a Бугры IА Крейда Деревляны III Камяница V Поповцы Незвиско X Незвиско XXI
I.2	Молодова V сл. I Молодова V сл. Iа Вязовок 4а Белолесье	Оссливка I Оссливка III Кормань IV «А»	Миньевский Яр	
I.3		Зимовники 1 (3) Рогалик 2		
I.4	Замиль-Коба I н. сл. Буран-Кая Шан-Коба сл. 6 Фатъма-Коба сл. 6	Шан-Коба сл. 4	Грот Скалистый Грот Водопадный	
II.1	Воропец II Рудой Остров Песочный Ров	Старуя I Рудня Выжэвка Брюховичи VI	Терновца III Загай I Камяница I Камяница II Криница 4	Городок Личмань Песочный Ров 2 Курган Свиридов Ров Мосолов Ров Любязь VII
II.2		Атаки VI	Незвиско IX Врублевцы	
II.3	Мирное Игрень 8	Фронтвое I сл. III	Гиржево х. Шевенко Зимовники 1 (1) Зимовники 1 (2)	Петропавловка

II.4

Шан-Коба сл. 3
Мураак-Коба сл. 3
Фатъма-Коба сл. 4

Алимовский навес

Замиль-Коба 1 (в сл.)
Ласпи 7

Табл. 2. Типология памятников Украини эпохи мезолита

- I. — ранний мезолит: 1 — лесной зоны; 2 — лесостепи; 3 — степной зоны; 4 — Горного Крыма.
 II. — поздний мезолит: 1 — лесной зоны; 2 — лесостепи; 3 — степной зоны; 4 — Горного Крыма.